

Система субъектов в лирической поэзии – ключ к инвариантным смыслам художественного мира автора

The system of subjects in lyrical poetry as a key to semantic invariants of the author's poetic world

М.Ю. Сидорова, О Чжон Хюн

Ссылка: *Сидорова М., Чжон Х. О. Система субъектов в лирической поэзии - ключ к инвариантным смыслам художественного мира автора // Филология и человек. – 2014. – № 3. – С. 36–46.*

Статья посвящена анализу художественного мира Булата Окуджавы через систему субъектов его лирики. Авторы демонстрируют, как вокруг 4 главных субъектов поэзии Окуджавы (Художник, Женщина, Солдат, Аристократ) организуются пространство и время, и доказывают продуктивность изучения и сопоставления художественного мира поэтов через призму системы субъектов.

The article explores Bulat Okudzhava's poetic world through the system of subjects represented in his lyrics. The authors show how 4 main subjects of Okudzhava's poetry (Artist, Woman, Soldier, Aristocrat) organize semantic invariants, space and time. This approach proves its efficiency for study and comparison of different poetic worlds.

Булат Окуджава, поэтический мир, субъект, семантические инварианты, время и пространство в поэзии, русская поэзия

Bulat Okudzhava, poetic world, subject, semantic invariants, space and time in poetry, Russian poetry

СИСТЕМА СУБЪЕКТОВ В ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ – КЛЮЧ К ИНВАРИАНТНЫМ СМЫСЛАМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА АВТОРА

М.Ю. Сидорова, О Чжон Хюн

О, чтобы было все не так, чтоб все иначе было,
Наверно, именно за тем, наверно, потому,
Играет будничным оркестр привычно и вполсилы,
А мы так трудно и легко все тянемся к нему.

Булат Окуджава

Моделирование целостного и системного художественного мира поэта требует отправной точки или, скорее, некоторого фундамента, на котором будет возводиться

«здание». В качестве такого фундамента хорошо работает соединение триады «субъект – пространство – время», лежащей в основе коммуникативно-грамматического анализа текста Г.А. Золотовой [Золотова, 1982] [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998] [Сидорова, 2000], с понятием *инварианта*, предложенным А.К. Жолковским и Ю.К. Щегловым в рамках структурно-инвариантного анализа поэтического мира («инварианты – тема – приемы – тексты»). Поэтический мир определяется в концепции Жолковского и Щеглова как «смысловой инвариант... произведений» автора [Жолковский, Щеглов, 1975, с. 161] или нечто состоящее «из инвариантов, то есть абстракций, реализуемых по-разному на уровне конкретных текстов» [там же]. Подчеркивая повторяемость и изофункциональность инвариантов, А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов пишут: «В достаточно большом количестве случаев в разных произведениях одного автора говорится (в каком-то смысле) одно и то же. Почти у каждого автора имеется ряд текстов, которые можно уподобить ряду синонимичных предложений, различающихся структурой, порядком слов, лексикой, но имеющих один и тот же смысл» [там же, 165]. Даже обычный читатель «интуитивно ощущает единство мыслей, эмоций, излюбленных положений и т.п., проходящих через различные произведения одного писателя. Моделированию этих инвариантов и служит понятие поэтического мира» [там же]. «Смысловой инвариант» текста выступает в качестве наиболее общего закона построения художественного мира писателя.

В одной из работ, посвященных поэтическому миру Пастернака, А.К. Жолковский пишет: «*Общий смысловой инвариант* (т. е. постоянная тема или группа тем) всех текстов одного автора и более частные инварианты (*постоянные подтемы; постоянные разновидности* постоянной темы, т. е. типичные результаты ее варьирования с помощью характерных для автора ПВ) образуют целую иерархию постоянных тематических величин, называемую *поэтическим миром* (ПМ) данного автора. Эту систему значений можно уподобить системе грамматических (т. е. обязательных к выражению) значений, специфической для каждого естественного языка. Всякая *локальная тема* (т. е. некоторое актуальное высказывание о предмете, событии или о внутреннем состоянии человека) должна, — для того чтобы предстать в типичном для данного автора свете, — быть изложена в терминах постоянных тем и их разновидностей, так сказать, "переведена" на язык его ПМ (как любая мысль, для того чтобы стать высказыванием на русском языке, должна быть оснащена значениями времени, числа, вида, склонения и др., "переведена" на язык этих категорий)» [Жолковский, 1980].

Известна реализации идеи смысловых инвариантов для анализа поэтического мира Марины Цветаевой в исследовании С. Ельницкой. В своей монографии Ельницкая

рассматривает смысловые инварианты и их конкретные разновидности, и выделяет наиболее абстрактные и универсальные тематические элементы поэтического мира Цветаевой [Ельницкая, 1990].

Наш подход, который далее будет продемонстрирован в применении к художественному (поэтическому) миру Б. Окуджавы, основывается на идее об основополагающей, системообразующей роли субъекта в структуре поэтического мира. Согласно этой идее, творчество любого поэта представляет собой единый поэтический мир, основными характеристиками которого являются, как в любом реальном или вымышленном мире, позиция субъекта и определяемые этой позицией время и пространство. Моделирование художественного мира поэта возможно посредством исчисления внутритекстовых субъектов его лирики и определения того, как вокруг этих субъектов организуются пространство-время и какие смысловые инварианты при этом рождаются.

Анализ субъектной структуры лирических произведений Б. Окуджавы позволяет выделить повторяющиеся имена субъектов, которые, будучи сгруппированными в тематические группы, не просто дают нам представление о том, кто действует, мыслит, оценивает и оценивается в поэзии Окуджавы, но и о тех возможных мирах, в которых эти субъекты существуют и которые имеют значимость для автора. Каждый из четырех основных типов субъекта (*солдат, художник, женщина, аристократ*) задает особые пространственно-временные координаты, в системе которых автор размещает не только этого субъекта, но и себя (ближе – дальше, взгляд изнутри – взгляд извне, солидарность – отрицание и т.п.).

Известно, что в филологической литературе, посвященной лирической поэзии, акцентируется ее моносубъектность, наличие единого авторского сознания как «центра, вокруг которого вращается этот мир» (Ф. Ницше). В то же время существует немало исследований, посвященных коммуникативной структуре лирики, ее диалогичности и обнаруживающих разные типы отношения автора и читателя, автора и других внутритекстовых субъектов в пределах одного стихотворения. Предлагаемая нами методика исследования позволяет объединить оба подхода, поскольку, с одной стороны, системно рассматриваются все субъекты, присутствующие в стихотворениях поэта, с другой – из анализа системы субъектов и организованных вокруг них времени и пространства извлекаются смысловые инварианты – «любимые идеи» (по Жолковскому и Щеглову) поэта и моделируется его поэтический мир.

Для построения системы субъектов лирической поэзии используются номинации в позиции:

а) обращения: *Как бы ни были вы святы, как ни праведно житье, вы с ума сошли, солдаты: это - дрянь, а не питье!*

б) субъекта или другого актанта основной или дополнительной, модусной или диктумной предикации: *А за ним идет солдат не высок, не бородат. Он такому командиру и признателен, и рад.*

в) критерия сравнения (пример ниже), а также

г) относительного прилагательного с субъектной основой: *Я, как последний юнкер, безоружен, в лакейскую затею завлечен...*

Особой позицией является заголовочная (в названии стихотворения или в первой строке). Субъекты, появляющиеся в этой позиции, в стихотворении могут выступать как диктумные (предмет авторского описания, повествования, рассуждения) или как модусные (носители точки зрения).

Выступая как организующий центр лирического стихотворения, автор не только сам выполняет отбор и соположение языковых единиц для реализации своего замысла. Он может делать центром стихотворения другого субъекта, выстраивая вокруг него время и пространство - весь вымышленный мир стихотворения. Излюбленный прием Окуджавы - дать картину этого мира в репродуктивном регистре («здесь и сейчас» субъекта автора или другого внутритекстового субъекта), а затем, используя соответствующие языковые средства, вывести частную «зарисовку с натуры» на уровень высокого обобщения («Музыкант в лесу под деревом...», «Голубой шарик», «Ваше Величество, Женщина», «Я пишу исторический роман» и др.) Отсюда вырастает первый инвариант поэтического мира Окуджавы – **единство конкретного, мимолетного и осязаемого мира и мира вечного, высокого, духовного**. Шагнуть из первого во второй может любой человек, если он захочет подняться над сиюминутностью и суетой. Но взлетая (например, в творческом или любовном порыве), поднимаясь, выходя в высокие пространства и проникая в вечное течение времени, человек не должен забывать о своей человеческой сущности. Подъем над «мелочностью» не означает презрения к «мелочам».

Не случайно любимый субъект-художник Окуджавы – Моцарт; пишущий исторический роман по велению самой природы лирический герой воображает себя всего лишь *поручиком в отставке*; а образ великого Владимира Спивакова в стихотворении «Отъезд» одновременно поднимается автором на моцартианский уровень и «наделяется» целой чередой характеристик и предметных деталей с уменьшительно-ласкательными суффиксами:

*Ну а попутчик мой, этот молоденький,
радостных слез не стирает с лица.*

Что ему думать про век свой коротенький?

Он лишь про музыку, чтоб до конца.

<...>

Ну а попутчик мой ручкою нервною

машет и машет фортуне своей,

нотку одну лишь нащупает верную --

и заливаётся, как соловей.

<...>

Ну а попутчик мой, божеской выпечки,

не покладая стараний своих,

то он на флейточке, то он на скрипочке,

то на валторне поет за двоих.

Так же неслучайно автор, иронизируя первоначально над семейством, фотографирующимся на фоне Пушкина, присоединяется к нему в едином «мы» в конце стихотворения [Чжон Хюн, 2011].

Как квинтэссенцию этого инвариантного смысла можно рассматривать стихотворение «Голубой человек», начинающееся с репродуктивной «картинки»:

Голубой человек в перчатках,

в красной шапочке смешной

поднимается по лестнице,

говорит: - Иду домой.

Но этот смешной человечек, которого невидимые собеседники то и дело окликают: «Ты куда, куда, несчастный?» или «Сумасшедший, вон твой дом!», не так-то прост: *он у неба на виду*. По лестнице он поднимается не в квартиру, зрительный образ, создающийся в первой строфе, написанной в репродуктивном регистре, обманчив. *Иду домой* для героя этого стихотворения Окуджавы означает «поднимаюсь к небу».

Он даже выше неба и земли, он – на уровне мироздания:

Вот растаяло и небо --

мироздания тишь да мрак,

ничего почти не видно,

и земля-то вся -- с кулак.

Не обращая внимание на окрики «Эй, заблудишься, заблудишься!», *голубой человек* (вспомним, как значимо для Окуджавы это прилагательное, ассоциирующееся, с одной стороны, с *голубою кровью*, т.е. с аристократичностью, в том числе духовной, с другой – с непотерянной надеждой, непотерянным раем: *Чем дальше от Москвы, тем*

чище дух крестьянства, тем голубей вода, тем ближе к небесам; После дождичка небеса просторны, голубей вода, зеленее медь...) поднимается все выше. Но Окуджаву не позволяет «взлетающему» никакой высокопарности, никакого пафоса, нарочито снижая стиль в последних строчках, где вся знаменательная лексика - разговорная:

Он карабкается, бормочет:

- Не порите ерунды!..

Это соположение разностилевых элементов в пределах одного стихотворения, одной строфы, одной строчки является, в дополнение к регистровой композиции, вторым важнейшим средством языкового воплощения указанного смыслового инварианта.

Ключевые субъекты поэзии Окуджавы – **Солдат, Аристократ, Женщина и Художник** - выполняют конститутивную роль по отношению к категориям времени и пространства. Они, с одной стороны, обладают осязаемой конкретностью, существуют «здесь и сейчас», обретая значимость для сиюминутного восприятия и лирического переживания поэта (для этой цели используется репродуктивный регистр). С другой стороны, эти субъекты осуществляют связь времен и пространств. Их ипостаси (прошлое – настоящее – будущее) становятся предметом лирического переживания. Они «перемещаются» по желанию автора в любое реальное или вымышленное время и пространство, принося в него инвариантные идеи, с ними связанные: благородство, жизнь и смерть, любовь, творчество. В качестве языкового обеспечения этой способности ключевых субъектов поэзии Окуджавы выступают локативные и темпоральные локализаторы, темпоральные прилагательные типа *вечный* и их производные, неопределенные местоимения и наречия типа *какой-то, один, где-то*.

Поскольку главным, организующим не только мир, но и других субъектов в поэзии Окуджавы является субъект Художник, то его роль в «операциях» над пространством и временем особенно велика (особые отношения Художника и времени распространяются на всех, кого Окуджаву причисляет к художникам, будь то даже маляры: *Маляры всегда честны. Только им слегка тесны сроки жизни человеческой, как недолгий свет весны...*). Именно поэтому Окуджаву-поэта очень интересуют два вида искусства, стоящих в особых отношениях ко времени, - музыка (естественно для барда) и фотография (закономерно для человека XX века). См. [Чжон Хюн, 2013а] и [Чжон Хюн, 2013б]. Прежде всего Окуджаву волнует, *что* может с помощью музыки сотворить субъект-музыкант (композитор или исполнитель) с временем, пространством и другими субъектами – слушателями, а с помощью фотографии – субъект-фотограф опять же с временем, пространством и другими субъектами, которые служат для него объектами фотографирования. В статье [Сидорова, Чжон Хюн, 2012] мы показали, что тема фотографии в стихотворениях Б. Окуджавы

“Приезжая семья фотографируется на фоне памятника Пушкину” и Д. Самойлова “Фотограф-любитель” не замкнута сама на себя, а дает выход в более общую тему времени. Оппозиция «быт (миг, мгновение) и вечность», на которой строятся оба стихотворения, реализуется как через взаимодействие высокого и сниженного стилей, так и через выбор фонов для фотографирования, в которых автор «видит» своих героев. В стихотворении «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину» вечность представляется как выход в бессмертие с помощью некоего обряда, осуществляемого различными людьми, повторяющими раз за разом простые и конкретные действия в момент фотографирования *на фоне Пушкина*. В стихотворении «Фотограф-любитель» под знаком «быта» (мига/мгновения) перечисляются различные повседневные предметы и детали среды, избранные в качестве фонов для фотографирования, а вечность предстает как бессмертие, которое достигается с помощью ощущения свободы и призвания самого поэта.

Для Окуджавы крайне важно то, что переживать мгновение и испытывать ощущение вечности, высказываться по поводу их имеет право любой человек. Вечность и мгновения равно принадлежат людям.

Аналогичное представление фотографии как «межсубъектного» искусства в свете оппозиции «мимолетность (сиюминутность) – вечность» находим в стихотворении «Фотографии друзей»:

*Деньги тратятся и рвутся,
забываются слова,
приминается трава,
только лица остаются
и знакомые глаза...*

*Плачут ли они, смеются -
не слышны их голоса.
Льются с этих фотографий
океаны биографий,
жизнь в которых вся, до дна
с нашей переплетена.*

*И не муки и не слезы
остаются на виду,
и не зависть и беду*

*выражают эти позы,
не случайный интерес
и не сожаленья снова...*

*Свет - и ничего другого,
век - и никаких чудес.
Мы живых их обнимаем,
любим их и пьем за них...
...только жаль, что понимаем
с опозданием на миг!*

В первой строфе обращает на себя внимание противопоставление перфективно-итеративных глаголов *тратятся, рвутся, забываются, приминается* глаголу *остаются*, допускающему как перфективное, так и статуальное прочтение. Фотография, будучи, казалось бы, статичной и фиксируя только настоящий момент, содержит в себе прошлое (биографию человека) и будущее (фотография помогает ему остаться с теми, кто его любит, и после смерти). В последней строфе противопоставлены слова *век* и *миг*, эксплицирующие тот же инвариант. Фотография для Окуджавы предстает как способ сохранения не «позы», но «света» - памяти о близких. Не случайно форма второго лица, однократно возникающая в середине стихотворения в местоимении *нашей*, полностью завоевывает себе последнюю строфу.

Поэзия Окуджавы полисубъектна не только в целом. Полисубъектностью характеризуется большое количество его стихотворений, что находит отражение в их диалогичности. Эта диалогичность имеет разные формы:

а) диалог автора с читателем – «Песенка о малярах», «Союз друзей», «Веселый барабанщик», «Как научиться рисовать» и др.;

б) диалог автора с внутритекстовым субъектом (субъектами) – «Ваше Величество, Женщина», «Песенка о Моцарте», «Живописцы, окуните ваши кисти», «Нянька» и др.;

в) диалог между внутритекстовыми субъектами - «Дерзость, или разговор перед боем», «Дежурный по апрелю», «Лежать бы гусаку в жаровне на боку...».

Для авторского субъекта в поэзии Окуджавы возможны разные позиции по отношению к другим текстовым субъектам:

а) идентификация или взаимное отражение, узнавание (Моцарт и автор - художники, Ленка Королев и автор – солдаты);

б) соположение, со-общение (автор – субъект Женщина);

в) сотворение - автор и субъекты. являющиеся его фантазии и населяющие вымышленный мир, в котором он «никогда не был» («В поход на чужую страну собирался король...»; «Бумажный солдат» и т.п.).

Не типична для Окуджавы позиция полного отрицания, неприятия другого текстового субъекта – она встречается крайне редко, например, по отношению к Сталину. В целом позицию авторского субъекта Окуджавы по отношению к другим можно охарактеризовать как доброта, уважение к человеческой личности, независимо от ее масштаба, стремление понять другую точку зрения, скромность и отсутствие взгляда на «персонажей» своих стихотворений свысока. Окуджава – и от своего имени, и от имени ролевого субъекта - способен выразить широчайший диапазон чувств: от доброй иронии по отношению к королю, которому «королева мешок сухарей насушила», до горького упрека царю от гончара, *от обид обалдевшего раба твоего*. Самые близкие по духу к авторскому субъекту – Художники и друзья, носители *арбатства, растворенного в крови*. Говоря с другими художниками или о других художниках, Окуджава отступает в тень, выдвигая их на первый план. Он либо обращается к ним с просьбой («Живописцы, окуните ваши кисти...»), «Строитель, возведи мне дом...»), либо с благоговением наблюдает за ними:

Продолжается музыка возле меня.

Я играть не умею.

Я слушаю только.

Субъект Солдат биографически отражает одну из ипостасей Окуджавы, этап его жизни. В этом причина его близости авторскому субъекту. Субъект Женщина для Окуджавы – это не просто мать или возлюбленная, это мерило чести и ценности мужчины. Наконец, типовой субъект Аристократ, частотность которого связана с романтическим мироощущением Окуджавы, объединяется с автором на основе высоких духовных стремлений. «Арбатство» приравнивается к «дворянству». Таким образом, каждый из основных типовых субъектов в системе субъектов лирики Окуджавы не просто встает в определенные отношения с автором, в нем есть частица автора, а в авторе – частица его.

Отношения между субъектами проецируются на отношения между теми временными и пространственными локусами, с которыми эти субъекты связаны. Так, музыка и война, любовь и война не совместимы в одном пространстве-времени. Переходя в локус войны, солдат выполняет приказ «Прощайся с ней, прощайся с ней!» и оставляет за спиной мать или любимую женщину. Женщина не может сопровождать любимого в локус войны, так как это локус смерти, а женщина в поэтическом мире Окуджавы несет

жизнь. В военном локусе, конечно, возможна женщина военной профессии, например, медсестра. И ее появление оказывает волшебное воздействие - пространство войны и смерти перестает существовать, заменяясь пространством любви и жизни. Смысловые инварианты, связанные с данным типом субъекта (женщина – жизнь, любовь) оказываются сильнее, чем изначально заданное в стихотворении пространство:

А что я сказал медсестре Марии,

когда обнимал ее?

- Ты знаешь, а вот офицерские дочери

на нас, на солдат, не глядят.

А поле клевера было под нами,

тихое, как река.

И волны клевера набегали,

и мы качались на них.

И Мария, раскинув руки,

плыла по этой реке.

И были черными и бездонными

голубые ее глаза.

И я сказал медсестре Марии,

когда наступил рассвет:

- Нет, ты представь: офицерские дочери

на нас и глядеть не хотят.

Таким образом, ключевые субъекты Окуджавы, помимо того, что все они участвуют в реализации охарактеризованного в начале статьи инварианта его поэтического мира, обладают инвариантными свойствами, не уничтожимыми при перемещениях во времени и пространстве. Таковы благородство Короля, творческая сила Музыканта, «арбатство» самого поэта, даже выселенного с Арбата, и его друзей, даже в ту эпоху, когда *правнуки забудут слово «двор»*. Женщина в поэзии Окуджавы может со временем утрачивать красоту и молодость, но ее свойство быть мерилom мужской жизни и стимулом всего лучшего, творческого, героического, в том числе для мужчины-Художника – постоянно:

Благородные жены безумных поэтов,

от совсем молодых до старух,

*героини поэм, и молвы, и куплетов,
обжигающих сердце и слух.*

*Вы провидицы яви, рожденной в подушках,
провозвестницы света в ночи,
ваши туфельки стоптаны на побегушках...*

Вы и мужнины, вы и ничьи.

<...>

*Благородных поэтов безумные жены,
не зарекшись от тьмы и сумы,
ваши души сияют, как факел зажженный,
под которым блаженствуем мы.*

Тот факт, что каждый из ключевых субъектов поэзии Окуджавы, обладающий набором переменных и постоянных смысловых признаков, организует вокруг себя время и пространство, будучи центром стихотворения, и вступает в художественном мире Окуджавы в смысловые отношения с другими субъектами, служит подтверждением системности «каталога» субъектов, населяющих художественный мир Окуджавы. Все это, в совокупности с разнообразием номинаций, которые дает Окуджава ключевым субъектам своей поэзии, определяет художественную индивидуальность поэта и может служить основанием для сопоставления системы субъектов и смысловых инвариантов, связанных с ними, у Окуджавы и других поэтов. При этом совпадения и несовпадения могут обнаружиться:

на уровне набора субъектов (тот или иной субъект может присутствовать/отсутствовать у Окуджавы или у сравниваемого поэта);

на уровне значимости и отношений с другими субъектами (один и тот же субъект, присутствуя в системе у Окуджавы и сравниваемого поэта, может у одного из авторов принадлежать к ключевым, а у другого занимать скромное периферийное место);

на уровне смысловых инвариантов, связанных с тем или иным субъектом и со всеми ключевыми субъектами в целом (интересно было бы проверить, например, является ли женщина мериллом чести и ценности для мужчины в поэтическом мире других представителей авторской песни);

на уровне номинаций (можно предположить, что не у всех представителей советской военной поэзии номинации ключевого субъекта Солдат будут включать номинации «аристократического толка», как в романтически ориентированном

поэтическом мире Окуджавы, и что далеко не у всех «военных поэтов» будут фигурировать в лирике «игрушечные солдаты» - бумажный и оловянный).

Литература

Ельницкая С. Поэтический мир Цветаевой. Конфликт лирического героя и действительности. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 30. Wien, 1990.

Жолковский А.К. Инварианты и структура поэтического текста: Пастернак. // Жолковский А.К., Щеглов Ю. К. Поэтика выразительности. Вена, 1980. С. 205 – 244.
<http://dornsife.usc.edu>

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М., 2000

Сидорова М.Ю., О Чжон Хюн. Субъектная перспектива в лирической поэзии // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. М., 2012, № 2. С. 81-89

О Чжон Хюн. Языковые средства реализации темы фотографии в поэзии Б. Окуджавы и Д. Самойлова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2011. № 3. С. 49-54

О Чжон Хюн. Музыка – доминанта поэтики Б.Ш. Окуджавы // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. М., 2013а. № 4. С. 103-106

О Чжон Хюн. Система субъектов и языковые средства их реализации в поэзии Булата Окуджавы. АКД. Москва, 2013б